МУРЗИЛКА

№ 4 Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов АПРЕЛЬ 1955

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР имени В. И. Ленина

Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ

В день рожденья Ленина
И солнце и весна!
Ручьи бурливы, вспенены
До самого до дна.

И каждое растеньице
Расти, цвести должно.
И все ребята-ленинцы
С весною заодно!

Пытливые, бурливые,
Как ручейки весной.
Для них пути счастливые
Лежат в стране родной.

Е. ТРУТНЕВА

В. И. ЛЕНИН (УЛЬЯНОВ),
гимназист 1-го класса. 1879 год.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
л-56-4239

Партия и Ленин —
близнецы-братья,—
кто более
матери-истории ценен?
Мы говорим — Ленин,
подразумеваем —
партия,
мы говорим —
партия,
подразумеваем — Ленин.

В. МАЯКОВСКИЙ

РОДНОЕ ИМЯ

М. СВЕТЛОВ

Имя Ленина снова и снова
Повторяет великий народ,
И, как самое близкое слово,
Имя Ленина в сердце живёт.

И Советская наша держава
И великих побед торжество —
Это Ленина гений и слава
И бессмертное дело его.

Мы в работе большой не устанем!
И сильней нашей Родины нет,
Если партии тёплым дыханьем
Каждый подвиг народа согрет.

ЛЕНИНСКИЙ ЗАВЕТ

Н. ЗАБИЛА

Нам Ленин дал такой завет,
Его мы не забудем:
Электростанций яркий свет
Зажечь на радость людям!

Теперь бы наш Ильич родной
Порадовался с нами:
Огни сияют над страной —
Над речками, полями.

В окошко вечером взгляни —
Не счесть огней весёлых,
Во всех домах блестят они
И в городах и в сёлах.

В колхозных деревнях у нас
Их больше год от году, —
То выполняется наказ,
Что Ленин дал народу.

Перевела с украинского З. Александрова

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

РОЖДЕНИЕ КОРАБЛЯ

Рис. В. БИБИКОВА

Тринадцать морей и два океана омывают берега нашей Родины. Широкие реки пересекают её в разных направлениях.

Поэтому нам надо много разных морских и речных пароходов: и пассажирских и грузовых.

Корабли строят на специальных заводах.

Постройка корабля — очень сложное дело и требует участия многих и многих рабочих, инженеров и техников.

Вначале инженеры создают чертежи будущего корабля. По этим чертежам делают небольшую модель, напоминающую игрушечные пароходы, которые продаются в детских магазинах.

Эту модель испытывают в особом бассейне и выясняют, сколько будущий корабль вместит груза, какая будет у него скорость и не опрокинется ли он на волнах в бурю.

Если модель хорошо выдержала испытания, тогда приступают к постройке настоящего корабля.

В больших заводских залах делают из досок и фанеры детали корабля в натуральную величину. По деревянным выкройкам потом вырежут и отштампуют эти детали из стали и железа.

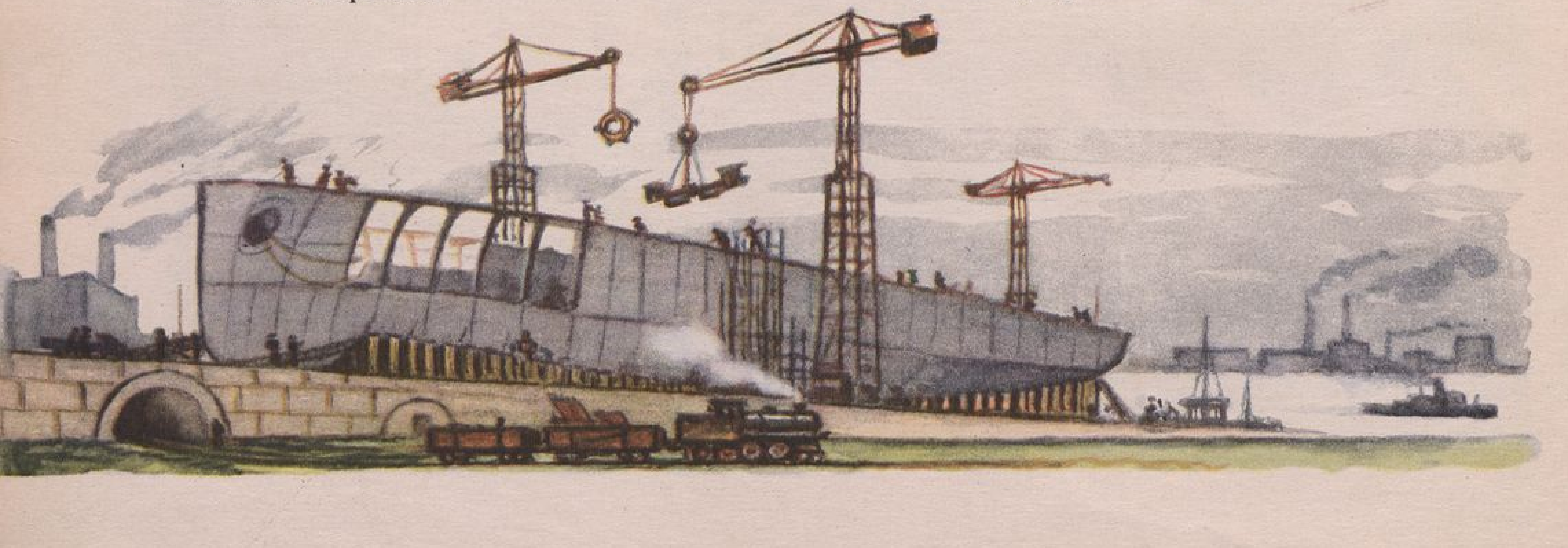
Одновременно начинают строить машины, которые будут двигать корабль.

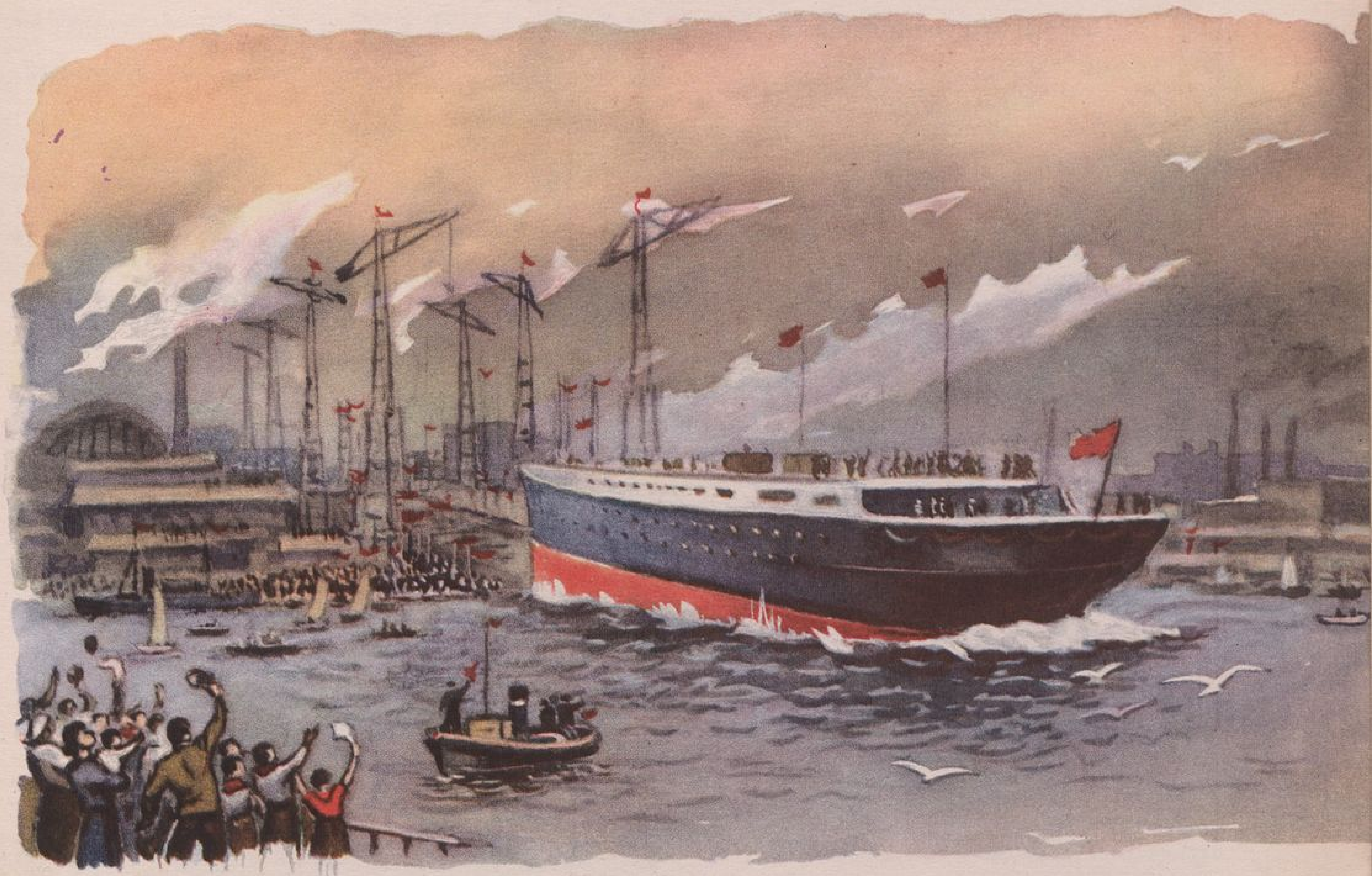
После этого на берегу полноводной реки, на деревянной или бетонной площадке, имеющей наклон к воде, собирают готовые части корабля, которые подаются подъемными кранами. Рабочие сваривают их и склёпывают.

Когда корпус корабля готов, его спускают на воду. А площадку густо смазывают жиром, чтобы корабль мог по ней легко скользить.

Спуск каждого нового корабля на воду — большой праздник для строителей. На берегу собирается народ. Играет оркестр. Развеваются флаги.

После торжественного митинга рабочие по команде обрубают канаты, которыми корабль удерживался на месте.





Под действием своей тяжести корабль сначала медленно, а потом всё быстрее скользит к воде.

И вот под громкое «ура» он плавно сходит на воду и, покачиваясь, останавливается посреди реки.

Теперь буксир отведёт его к заводской пристани для окончательной достройки.

На корабле установят машины. Поставят мачты и трубы. Электрики и радисты проведут электричество и радио. Тщательно покрасят и до блеска начистят металлические части.

Корабль готов. На него приходит команда матросов во главе с капитаном.

С гордостью и радостью передают им строители новый красавец корабль.

Под звуки Гимна Советского Союза на мачту взвивается государственный флаг нашей Родины.

Корабль вступил в строй советского флота.

Счастливого плавания, товарищи!

ЗАВОДСКИЕ МАСТЕРА

Г. ЛЮШНИН

Рис. НИК. ЕРМОЛАЕВА

СВАРЩИК

Свой щиток и провод длинный
Мастер взял умело,
И высоко над машиной
Дымка полетела.

Кромки толстые металла
Шьёт он не иглою,
А простой лучистой, алой
Вспыхнувшей звездою.

Водит он её по стали,
И звезда послушно
Шьёт железные детали
Так, как парню нужно.

То погаснет на минуту,
То опять искрится.
Перед мастером как будто
Прыгает жар-птица.

И крылом лучистым машет
Кверху над пролётом.
До чего в бригаде нашей
Светлая работа!

СТАЛЕВАР

Здесь, на площадке, в ровный ряд,
Прижав друг к другу плечи,
Всегда горячие стоят
Мартеновские печи.

У самой крайней сталевар
Склонился над оконцем.
В печи такой пылает жар,
Как будто плавят солнце.

Он видит в синее стекло,
Как плавка светит ярко.
Здесь сталевару не тепло,
А просто даже жарко.

И сталевар команду дал,
И гул пошёл по залу:
— Готов металл! Готов металл!
Давайте ковш металлу!

КРАНОВЩИК

Парень низенького роста
И не очень-то силён,
А смотри — легко и просто
Управляет краном он.

Если путь закрыт, он сразу
Может кран остановить.
Крановцик всегда обязан
На работе зорким быть.

Под руками три штурвала.
По порядку вертит их.
Не боится этот малый
Слитков самых огневых.

На канате слиток каждый
Поднимает в высоту.
Сам стоит в кабине важно,
Словно воин на посту.

СЕРГЕЙ ОБРАЗЦОВ

Дорогие ребята!

Вам, наверно, кажется, что город Лондон — это очень далеко. Мне тоже раньше так казалось. А сейчас я знаю, что он совсем рядом. Ну, вы сами подумайте: ранним утром я завтракал в Москве, а в тот же день вечером уже ужинал в Лондоне. За день самолёт перенёс советских актёров через Польшу, Чехословакию, Германию, Голландию и опустился в Лондоне.

Через полгода я опять приехал в Англию. Только уже не на самолёте, а на пароходе. Прямо из Ленинграда, по нашей русской реке Неве, мы через Балтийское и Северное моря приплыли в английскую реку Темзу и причалили к пристани Лондона.

В этот раз мы ехали уже семь дней. Нас было сорок человек: актёры, музыканты, рабочие, электрики Государственного Центрального театра кукол. Каждый вечер мы играли наши спектакли для взрослых, а два раза в неделю днём показывали спектакль «Волшебная лампа Аладина» детям.

В антрактах и после спектакля они приходили к нам за кулисы вместе со своими мамами или одни, чтобы посмотреть, как у нас всё устроено и чтобы близко увидеть кукол. Ведь таких больших кукольных театров нет в Англии, и поэтому лондонским ребятам всё было интересно.

И не только про кукол им хотелось всё узнать, но и про нашу страну, про Москву, про советских ребят: как они живут, как учатся, любят ли плавать, играют ли в футбол. Мы им, конечно, всё рассказывали. Со многими английскими ребятами я подружился, часто получаю от них письма и всегда отвечаю.

Все они просили нас передать привет советским ребятам. Когда после возвращения из Лондона мы стали опять играть в Москве, я на первом же нашем спектакле для детей вышел на сцену, рассказал сидящим в зале ребятам о том, куда мы ездили, и передал им от английских ребят привет. Вот и сейчас я вам, читателям «Мурзилки», тоже передаю привет от наших английских зрителей — мальчиков и девочек. Я это делаю с большим удовольствием. Мне очень хочется, чтобы и английские дети знали, что я выполнил их просьбу, и советские дети тоже знали, что у них среди английских ребят есть много хороших друзей.

Это очень важно, потому что сейчас во всех странах много миллионов взрослых людей борются за мир и дружбу. Для этого они стараются как можно больше узнать друг про друга, потому что ведь нельзя дружить с кем-нибудь, если ты не знаешь, кто он.

Вот почему устраиваются международные конференции и вот почему мы, взрослые советские люди, — учёные, писатели, актёры, музыканты, — так часто ездим в разные страны, а к нам, в Советский Союз, тоже ездят многие люди из всех, всех стран.

Как-то раз в Лондоне одна женщина подарила мне книжечку, которую она сама написала. Это оказались маленькие рассказы про английского мальчика Пита.

Питу, наверное, лет шесть или семь. Он — сын простых людей. Его отец — рабочий-маляр. Баловать Пита некому, и он по-настоящему хороший мальчик, добрый и умный, хоть и совсем маленький. Мне кажется, что вам будет интересно прочитать про него, потому что вы тогда как бы познакомитесь и подружитесь с одним из английских мальчиков, да и с теми взрослыми англичанами, которые в этих рассказах встречаются.

ЛЕЙЛИ БЕРГ

Рас. Н. ЦЕЙТЛИНА

МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ ПРО МАЛЕНЬКОГО ПИТА

Перевод с английского О. Образцовой под редакцией С. Маршака

ПИТ И АВТОМОБИЛЬ

По улице шёл маленький мальчик. Звали его Пит.

День был ясный, солнечный, и рядом с Питом шла по тротуару его чёрная-пречёрная тень. Питу очень хотелось наступить ей на голову. Много раз пытался он наскочить на неё, застать врасплох, но тень ускользала.

Наконец мальчику это надоело, и он пошёл дальше, а его чёрная-пречёрная тень медленно и спокойно пошла с ним рядом.

Вдруг Пит увидел автомобиль. Конечно, он и раньше видал автомобили. Чёрные и зелёные, красные и кремовые, они проносились мимо него, шурша шинами. Но этот автомобиль неподвижно стоял у тротуара. Это была большая жёлтая машина с откинутым верхом. В ней никого не было.

Пит подошёл и засунул палец в решётку радиатора. Не очень далеко, чтобы машина не испортилась. Сунул и сразу же выта-

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

щил: только чтобы посмотреть, как далеко войдёт палец.

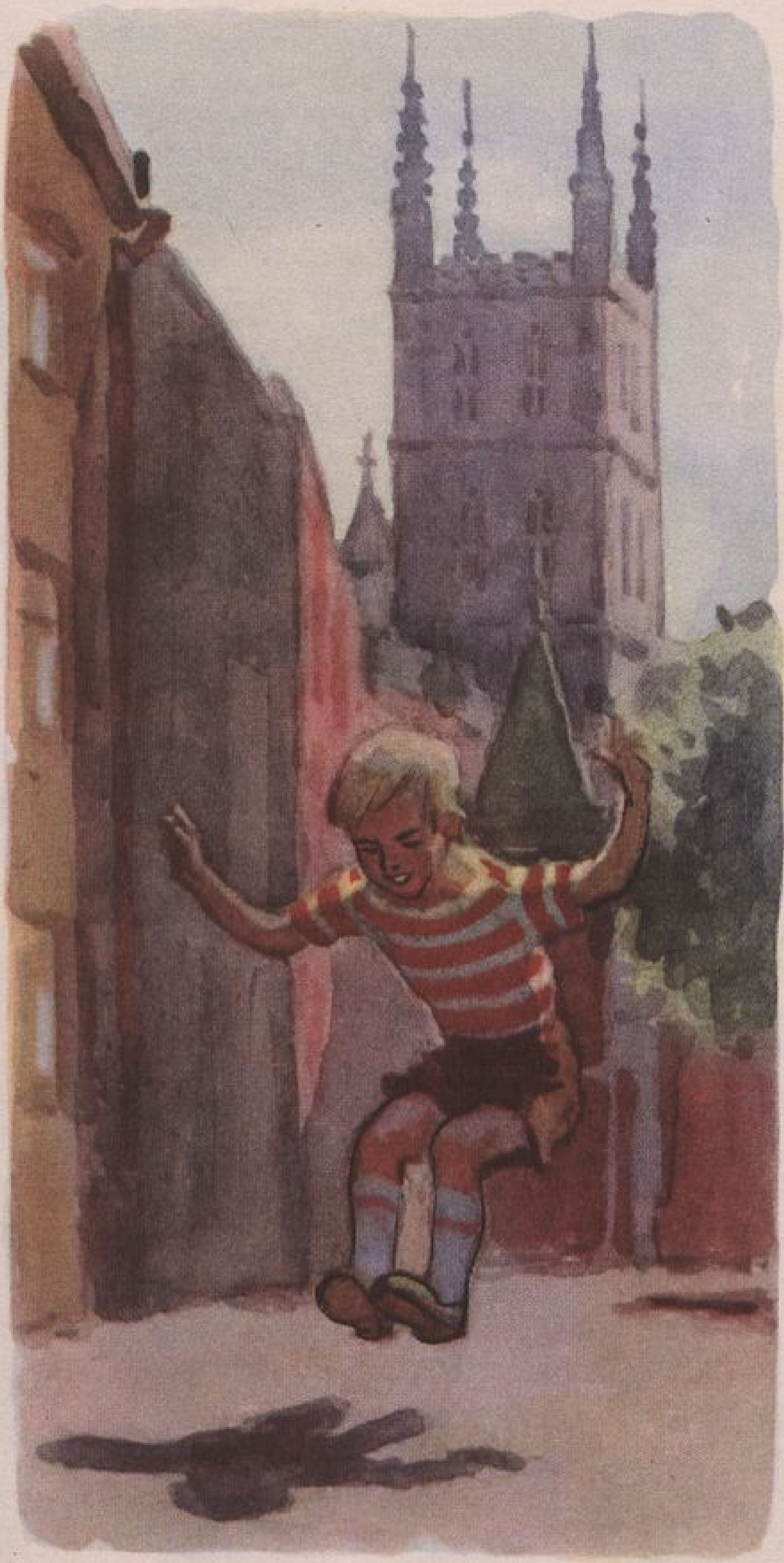
Потом он взял щепочку и нарисовал на пыльном крыле машины первую букву своего имени — «П». Потом нарисовал «М» — машина. Потом «Щ» — щепочка.

Ему хотелось написать ещё название той штуки, куда он засунул палец, хотя бы одну букву — первую, но он не знал, как эта штука называется.

Потом Пит заглянул в машину, а тень пробралась вперёд и уселась прямо на сиденье.

— Ты куда? — сказал Пит. — Какая невежа!

Он перелез через дверцу и тоже очутился в машине. Тень любезно подвинулась. Пит



сел рядом и несколько раз подпрыгнул на сиденье.

— Ого, — сказал он, — какая прыгучая машина!

Потом, чтобы не терять даром времени, нажал гудок. Пип! Пип-пип! П-и-п! П-и-и-п!

— Эй, с дороги! — закричал Пит, держась за руль. — Задавлю! Берегитесь, вы, разини! Прочь с дороги! Ну!

Машина спокойно стояла на месте, а Пит мчался вовсю и нажимал на кнопку гудка изо всех сил.

Пииии! — тянул гудок. — Пииии! И прежде чем дошло до «иип!», открылась дверь дома, и с крыльца, прыгая сразу через три ступеньки, сбежал какой-то человек.

— Перестань!—закричал он сердито. — Перестань и сейчас же вылезай из машины!

Пит поспешил выскочить. Тень — за ним.

— А это ещё что? — показал человек на буквы, которые Пит нарисовал на крыле.

— Это «П», потому что меня зовут Пит. Это «М», потому что это машина, а это «Щ», потому что я рисовал щепочкой. Я хотел написать ещё одну букву, но только не знаю, как называется та штука, куда я сунул палец. Вот эта, — он показал на радиатор.

— Радиатор. Буква «Р», — сказал человек.

Пит поднял щепочку и написал на машине «Р».

Но тут человек выхватил у него из рук щепочку и зашвырнул её так далеко, как только мог.

Пит рассердился.

— Зачем вы это сделали? — закричал он громко. — Это моя щепочка! Вы не имели права!

Но человек сказал:

— А вот ты помоги мне вымыть машину, чтобы она снова блестела, тогда я тебе позволю сесть в неё, и мы с тобой поедем в магазин. А в магазине я тебе куплю записную книжку, и пиши в ней, пожалуйста, свою букву «П», сколько твоей душе угодно.

— И «М» и «Р»? — спросил Пит.

— Сделай одолжение. А ещё можешь написать «У» — это значит «умываться», и «Н» — «не кричи так громко».

Человек пошёл в гараж и принёс оттуда два больших ведра с водой и тряпки. Вдвоём они принялись мыть машину. Они поливали её водой и тёрли тряпками, и снова поливали, и снова тёрли. Вода плескалась, плюхалась на мостовую, на тротуар, на башмаки Пита. Такой весёлой кутерьмы Пит ещё никогда не видел. И машина стала чистой и блестящей.

Человек был очень доволен. Он отнёс на место вёдра и тряпки, а тем временем Пит сбегал к маме и спросил, можно ли ему покататься на машине. Мама посмотрела в окошко и сказала: «Можно».

— Ну, садись! — сказал человек.

Пит уселся на шофёрское место.

— Да нет, не сюда! — сказал человек.

— А если я хочу сам править? — спросил Пит.

— Не сегодня, — ответил человек. — Уж как-нибудь в другой раз!

Пит подвинулся, и его тень тоже.

Человек сел за руль. Его тень уселась на колени к Питу, а тени Пита пришлось встать и прислониться к стенке.

Пииииип! Поехали!

Так Пит получил записную книжку с карандашом и научился мыть машину, чтобы она снова становилась блестящей и жёлтой, как лимонная карамелька.

Это был чудесный день!

Про гусей

С. ГОЛИЦЫН *Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ*

В одном колхозе жили дедушка и бабушка. У них было стадо гусей — гусак, гусыня и восемь гусят.

Старый гусак был совсем белый, на носу его торчала большая оранжевая шишка. Он всегда был впереди своего стада. Вытянув кверху голову, гусак зловещими голубыми глазами глядел по сторонам, а когда ребята или взрослые проходили мимо, он нагибал шею и с шипением бежал за ними, стараясь ущипнуть за ногу.

Старая гусыня была тёмносерого цвета, она никого не щипала, никогда не шипела и всегда молчала.

А гусята были и белые, и серые, и пёстрые, а самый младший был жёлтый. Бабушка говорила, что когда этот гусёнок сидел в яйце, яйцо треснуло, и потому у малыша вместо крыльев и хвостика топорщились какие-то грязные растрёпанные стручки, а на грудке и на спинке рос жёлтенький пушок, и сам он остался совсем маленьким. А во всём прочем жёлтый малыш нисколько не отставал от своих братьев и сестёр. Так же ловко плавал и нырял, так же с аппетитом кушал из корыта картошку и кашу, а бегал даже быстрее всех и пищал громче всех.

Однажды гуси пропали. Дедушка и бабушка не нашли их ни на лугу, ни возле пруда.

Встретился им комбайнер Вася.

— Знаю, где ваши гуси: сейчас я их выгнал из колхозной картошки. Такое безобразие!

Дедушка побежал и видит: действительно, из картофельного поля выходят его гуси.

Впереди шёл белый гусак, гордо подняв голову и презрительно глядя по сторонам, потом серая гусыня, потом один за другим все гусята; последним ковылял маленький, жёлтый.

— Как вам не стыдно в колхозную картошку забираться? — упрекал их дедушка.

Гуси в ответ сердито загоготали и, недовольные, направились к пруду.

На следующий день гуси опять пропали. Дедушка снова их нашёл на картофельном поле: они клювами и лапками разгребали грядки и доставали картошку.

Дедушка страшно рассердился, побежал за ними с хворостиной и выгнал на луг.

— Это всё старый гусак их уводит, — говорила бабушка, — он один виноват.

На следующее утро дедушка запер гусака в сарае.

Теперь впереди зашагала серая гусыня, высоко подняв голову, внимательно поглядывая по сторонам. Она почувствовала

себя начальницей. Когда мимо пробежала маленькая девочка, она нагнула шею и с шипением кинулась за нею вдогонку.

И в этот день гуси пропали.

Дедушка опять нашёл их на колхозной картошке. Теперь он решил запереть их всех. Пусть сидят в сарае в темноте и едят рубленую крапиву до тех пор, пока не будет убрана вся картошка.

На следующий день пришёл к дедушке комбайнер Вася.

— Что ж ты, дед, плохо гусей стережёшь?

— Как плохо? Вот они, в сарае сидят.

— А маленький, жёлтый?

Маленького гусёнка на месте не оказалось.

В углу сарая дедушка заметил щёлку, — очевидно, жёлтый сумел пролезть и убежать.

— Мне надо план перевыполнять, а я из-за твоего птенца свой картофельный комбайн остановил, — говорил Вася: — как малыша лемехом подхватило, чуть под валики не попал.

В этот момент явился жёлтый. Он плёлся молча, медленно переваливаясь, не пищал, как всегда, и не просил кушать.

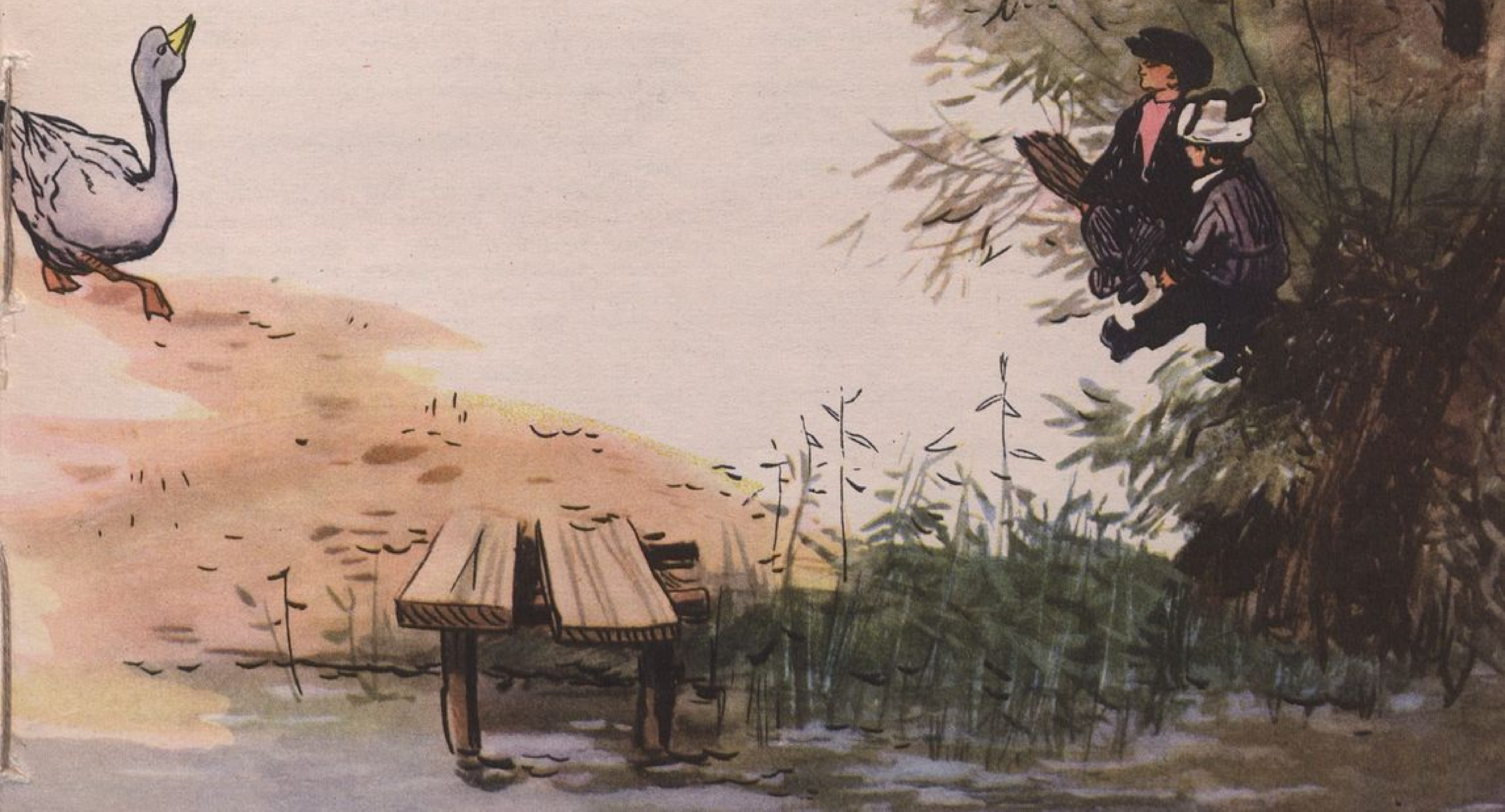
Дедушка заделал щёлку в сарае и пустил гусёнка к своим наказанным братьям.

До самой ночи громко разговаривали гуси на своём непонятном, гусином языке. Верно, жёлтый рассказывал, как на него с громом и скрежетом напал страшный великан и чуть его не съел, а остальные гуси ужасались, слушая о его приключениях.

За день комбайнер Вася убрал всю картошку, и на следующее утро дедушка нарочно погнал гусей на картофельное поле — пусть подбирают оставшуюся мелочь.

Но гуси громко загоготали, запищали, захлопали крыльями и ни за что не захотели сворачивать в проулок на поле. Дедушка махнул на них рукой, и гуси вперевалку направились к пруду.

И с тех пор всю осень они каждый день ходили на пруд и на луг и ни разу не повернули на поле.



Великий сказочник

И. ХАЛТУРИН

Рис. В. ТАУБЕРА

Давным-давно, полтораста лет назад, в маленькой стране Дании родился великий писатель. Но у младенцев не написано на лбу, кем они будут, поэтому никто и не знал о рождении великого поэта.

Знали только, что у бедного сапожника Ганса Андерсена родился сын Христиан. Таков уж был порядок в обществе того времени, что сын графа становился графом, сын профессора — учёным, а сын сапожника — башмачником. Соседи беспокоились только, как будет жить эта семья: сапожник был очень беден.

Но мальчик рос и не замечал своей бедности.

Он не любил шумных игр, да у него и не было товарищей, он любил играть один. Однажды отец взял его в театр, и с тех пор в углу отцовской каморки, заставленной верстаками, он разыгрывал целые сцены, устроил кукольный театр, мастерил платья для своих кукол, сам сочинял пьесы.

У мальчика было богатое воображение, он мог занимать детей и взрослых, выдумывая бесконечные истории; стены его угрюмой комнаты раздвигались по его желанию, и целый огромный мир открывался для него.

А годы шли. Андерсену исполнилось четырнадцать лет.

Театр, литература, искусство — вот что привлекало его.

С несколькими монетами в кармане он покинул родной город и отправился в столицу своей родины — Копенгаген. Там без всяких колебаний он явился к самой знаменитой танцовщице Дании и сказал ей, что горячо любит театр. На вопрос, какие роли он мог бы играть, мальчик ответил:

— Золушку! Я её ужасно люблю и помню от слова до слова!

Он снял сапоги, чтобы легче было танцевать, и тут же исполнил всю пьесу. Его приняли за сумасшедшего и постарались вежливо выпроводить.

Он захотел обучаться пению. Но Андерсен был в том возрасте, когда у мальчиков «ломается» голос. Да к тому же ему приходилось бегать на уроки в дырявых сапогах и лёгком пальтишке, а, как известно, от простуды голос делается хриплым.

Тогда Андерсен написал трагедию и послал её в королевский театр. Её скоро вернули с просьбой никогда своих пьес больше не присылать. Его уволили также из танцевальной и хоровой школ: неуклюжий, долговязый подросток не подавал никаких надежд сделаться украшением балета или оперы.

Настали дни бедствий, голодовки, почти нищенства.

Добрые люди достали Андерсену стипендию и уговорили его учиться. И вот семнадцатилетний юноша уселся за парту и вместе с маленькими детьми принялся за науки. Из-за своей бедности Андерсен не кончил никакой школы, и ему приходилось сейчас проходить весь курс учения с начала.

Он сравнивал себя с человеком, не умеющим плавать и брошенным в бурное море. Изо всех сил он боролся с волнами, грозившими его потопить: одна волна называлась математикой, другая — грамматикой, третья — географией и т. д. Но упорство и труд преодолели всё: Андерсен кончил гимназию и поступил в университет.

Теперь Андерсен дал волю мечтам, которые сдерживал в школе. Он стал писать стихи и

пьесы, но большей частью они возвращались к автору. Первую свою книгу Андерсену пришлось печатать за свой счёт.

Андерсен верил в себя, писал книгу за книгой, писал комедии, трагедии, описания путешествий, романы.

Но только к тридцати годам Андерсен нашёл своё настоящее призвание.

В 1835 году вышли его «Сказки для детей», небольшая книга, всего в 60 страниц. В ней были напечатаны четыре сказки, — среди них «Огниво» и «Принцесса на горошине», — сказки, обошедшие весь мир и принёсшие писателю мировую славу. С тех пор каждый год выходили новые сказки Андерсена; они-то и сделали его мировым писателем, любимцем детей всего мира.

Почему весь мир полюбил сказки Андерсена?

Андерсен никогда не забывал, что он человек из народа, всегда помнил, как он, сын сапожника, бегал в деревянных башмаках по улицам родного города. И поэтому его сказки проникнуты сочувствием к простому народу, народной мудростью.

Часто он брал народные предания, пересказывал их по-своему и возвращал обратно народу.

У Андерсена было удивительное уменье одушевлять вещи. Казалось, он мог своей волшебной палочкой прикоснуться к любому предмету, к любой вещи и заставить их говорить или действовать.

Торвальдсен, его друг, знаменитый датский скульптор, как-то сказал ему:

— Ну-ка, напишите нам ещё какую-нибудь забавную сказку. Ведь вы можете написать сказку даже про штопальную иглу.

И Андерсен написал сказку про штопальную иглу. Но получилась, как всегда у Андерсена, сказка не про штопальную иглу, а про человеческую гордость, заносчивость, про людей, которые стыдятся чёрной работы.

Все сказки Андерсена о вещах — на самом деле сказки о людях, о человеческих отношениях. Эти сказки восхваляют труд, призывают к справедливости.

Каждая сказка Андерсена поднимает большой и важный вопрос жизни. Так, например, в сказке «Соловей» говорится о подлинном художнике, который служит своим искусством народу.

Недаром в стране, в которой Андерсен не бывал никогда, на берегах большой русской реки Волги, сын нижегородского мастерового Алёша Пешков увлекался сказками Андерсена.

«Во время большой перемены... мы начали читать удивительную сказку «Соловей» — она сразу взяла всех за сердце», — вспоминал потом этот мальчик, который стал великим русским писателем, Максимом Горьким. — «В Китае все жители китайцы и сам император — китаец» — помню, как приятно удивила меня эта фраза своей простотой, весело улыбающейся музыкой и ещё чем-то удивительно хорошим».

Максим Горький, человек из народа, прошедший школу жизни «в людях», легко понял датского сказочника, у которого тоже было невесёлое детство и своя тяжёлая школа жизни.

Под конец его жизни, когда Андерсен был уже болен, его соотечественники решили поставить ему памятник в королевском саду.

Но лучший памятник Андерсену — его сказки, которые уже больше ста лет радуют детей на всём свете и учат их.

Г.-Х. АНДЕРСЕН

Новый наряд короля

Давно-давно жил на свете король. Он так любил наряжаться, что тратил на наряды все свои деньги. Он устраивал парады, загородные прогулки; каждый день ходил в театры только для того, чтобы показаться в новом наряде. Король переодевался каждый час, и один наряд был у него лучше другого. Про других королей часто говорят: «Король совещается с министрами», а про этого короля только и было слышно: «Король переодевается».

В королевской столице жилось очень весело. Почти каждый день туда приезжали иностранные гости. И вот раз в столицу приехали двое обманщиков. Обманщики говорили, что они знаменитые ткачи и что они умеют изготовлять такую чудесную ткань, лучше которой ничего нельзя себе представить. Эта ткань отливает самыми яркими красками и расшита самыми красивыми узорами. Но кроме всего этого, она обладает чудесным свойством: её могут видеть только умные люди. Ни глупец, ни человек, который не годится для своей должности, этой прекрасной ткани не увидит.

«Вот это хорошо, — подумал король. — У меня будет новое красивое платье, да вдобавок я узнаю, кто из моих сановников даром получает жалованье, кто умён, а кто глуп. Пусть поскорее изготовят эту замечательную ткань!»

И он дал обманщикам большой задаток и приказал им сейчас же приняться за работу.

Обманщикам отвели во дворце большую комнату, и они поставили там два ткацких станка, уселись за них и стали делать вид, что усердно работают. А у самих на станках ровно ничего не было — ни одной нитки, ни кусочка ткани. Каждый день обманщики требовали для своей работы тончайшего шёлку и чистого золота. Всё они прятали в свои карманы и продолжали сидеть за пустыми станками с утра до поздней ночи.

И вот как-то раз король захотел посмотреть, как подвигается у ткачей дело. Но тут он вспомнил о чудесном свойстве ткани, и ему стало как-то не по себе. Конечно, ему-то нечего бояться за себя, но... всё-таки пусть сначала посмотрит кто-нибудь другой.

«Пошлю-ка я к ним моего честного старого министра, — подумал король. — Уж он-то увидит эту ткань: он умён и с честью занимает своё место».

И вот старый министр вошёл в комнату, где сидели за пустыми станками обманщики.

«Вот тебе раз! — подумал министр. — Я ведь ничего не вижу!»

Но вслух он этого не сказал.

Обманщики почтительно попросили его

подойти поближе и сказать, как нравится ему рисунок и краски. Они показывали на пустые станки, и бедный министр, как ни таращил глаза, всё-таки ничего не видел. Да и нечего было видеть.

— Неужели я дурак? — прошептал министр. — Вот уж чего никогда не думал! Упаси боже, если кто-нибудь узнает про это! А может быть, я не гожусь для своей должности? Нет, нет, никак нельзя признаться, что я не вижу ткани.

— Что же вы ничего не скажете нам?— спросил один из ткачей.

— О, это очень мило! — ответил старый министр, глядя сквозь очки на пустой станок. — И узор красивый, и краски превосходные. Да, да, я доложу королю, что мне чрезвычайно понравилась ваша работа!

— Рады стараться! — сказали обманщики и наперебой принялись расхваливать узоры на своей ткани.

Министр слушал очень внимательно, чтобы потом повторить всё это королю. Так он и сделал.

С этого дня обманщики стали требовать ещё больше шёлку и золота. Все карманы у них были полны дорогими товарами, а на работу они не истратили ни одной ниточки.

Через несколько дней король послал к ткачам другого сановника. И с ним произошло то же, что и с первым. Уж он смотрел, смотрел, и сбоку заглядывал, и снизу, но ничего, кроме пустых станков, так и не высмотрел.

— Ну как? Нравится ли вам? — спросили его обманщики, разводя руками в воздухе, как будто бы они поддерживали тяжёлую ткань.

«Конечно, я не глуп, — думал сановник. — Но тогда, значит, я не на своём месте? Вот так штука! Но нельзя же в этом сознаться!»

И он стал расхваливать ткань, которой не видел, и восхищаться чудесными узорами, которых не было.

— Очень хорошо, очень мило! — доложил он королю.

Скоро весь город заговорил о чудесной ткани.

Наконец сам король пожелал полюбоваться этой диковинкой, пока она ещё не снята со станка. С целой свитой придворных и вельмож король отправился к ткачам. В королевской свите были и те два сановника, которые уже побывали у обманщиков. А обманщики между тем сидели в своей комнате и изо всех сил ткали на пустых станках.

— Превосходно! Не правда ли? — сказали первые два сановника. — Не угодно ли полюбоваться? Какой рисунок, какие краски!

И они тыкали пальцами в пространство, думая, что все остальные действительно видят прекрасную ткань.

«Что это значит? — подумал король. — Я ничего не вижу! Но ведь это ужасно! Неужели я дурак? А может быть, я не гожусь в короли? Это было бы хуже всего!»

А вслух он сказал:

— О да, это очень недурно. Вполне заслуживает моего одобрения.

И король с довольным видом кивал головой. Королевская свита глядела во все глаза, но видела не больше своего повелителя. И всё же придворные повторяли в один голос:

— О, это прекрасно! Это восхитительно! — и советовали королю сшить себе из этой ткани наряд для предстоящей торжественной процессии.

Король пожаловал обманщикам ордена и удостоил их звания придворных ткачей.

Всю ночь накануне торжества просидели обманщики за работой и сожгли больше шестнадцати свечей. Они притворялись, что снимают ткань со станков и кроят её большими ножницами. А потом они стали шить новое платье короля иголками без ниток.

Наконец они объявили:

— Готово!

Наутро король в сопровождении всей своей свиты явился за новым платьем.

Обманщики поднимали кверху руки, будто держали что-то, и приговаривали:

— Пожалуйте, ваше величество, вот панталоны, вот камзол, а вот кафтан. Прелестный наряд! Лёгкий, как паутина. Вы даже и не почувствуете, что надели его.

— Да, да! — говорили придворные, но они ничего не видели, да и видеть-то было нечего.

— Соблаговолите теперь раздеться и стать вот тут, перед большим зеркалом, — сказали обманщики королю. — Мы оденем вас.

Король снял старое платье, и обманщики принялись наряжать его: они делали вид, будто надевают на него то панталоны, то камзол, то кафтан. Они притворялись, что застёгивают пуговицы, завязывают банты, а потом они широко взмахнули руками, как будто набросили на плечи короля королевскую мантию. А король вертелся перед зеркалом и оглядывал себя то с одного бока, то с другого.

— Ах, как идёт это платье королю! Как чудесно оно сидит на нём! — шептали придворные. — Какой рисунок, какие краски! Роскошный наряд!

— Балдахин его величества у дверей! — доложил обер-церемониймейстер.

— Я готов! — сказал король. — Хорошо ли сидит на мне это платье?

И он подошёл поближе к зеркалу и ещё раз оглядел себя с головы до ног. Все ведь должны были видеть, что он внимательно рассматривает свой наряд.

Камергеры, которым полагалось нести шлейф королевской мантии, притворились, будто поднимают что-то с полу, и пошли за королём, вытягивая перед собой руки, — они не смели и виду подать, что нести-то было нечего.

И вот процессия двинулась. Король шествовал под роскошным балдахином, а народ, толпившийся на улицах, говорил:

— Ах, какой наряд! Какая роскошная мантия! Как это платье к лицу королю!

Ни один человек не сознался в том, что ничего не видит, никто не хотел прослыть глупцом или признать, что он ни на что не пригоден.

И вдруг какой-то маленький мальчик крикнул:

— А король-то голый!

— Ах, послушайте, что говорит невинное дитя! — сказал его отец. — Ребенок есть ребенок. Он всегда для своей должности годится. Значит, он говорит правду.

И все стали шопотом повторять:

— А ведь это верно! Король-то голый!

— Голый король! Голый! — вдруг громко закричал весь народ.

И королю стало жутко.

«Не может быть, чтобы все были дураки! — подумал он. — Значит, меня обманули и я действительно голый. Но что же делать — надо итти дальше».

И голый король ещё величавее зашагал под своим балдахином, а камергеры шли за ним и несли шлейф, которого не было.

Ручей

МИХ. ЛАПЫГИН

Солнышко
Пригрело горячей.
Омывает камешки
Ручей.

Снегом долго-долго
Он лежал,
Солнышко пригрело—
Побежал.

Всех ручей водою
Угощал
И бежал вперёд
Себе, бежал.

Бык напился,
Покрутил рогами
И пошёл тяжёлыми
Шагами.

Прибежали бойкие
Телята,
А потом и белые
Ягнята.

Поросята тоже
Приходили,
Поросята что-то
Говорили.

Розовые мыли
Пятачки,
И щетинку,
И хвосты-крючки.

Конь напился,
Весело заржал
И во двор колхозный
Убежал.

Брызгается
Вешнею водой
Ручеёк весёлый,
Молодой.

Солнышко
Пригрело горячей
Омывает камешки
Ручей.

И бормочет
Песенку одну:
— Я несу вам
Красную весну!

Рис. НИК. ПЛАСТОВА

А. БАРТО

Рис. В. ГОРЯЕВА

ГДЕ СИНИЦЫ???

Из журнала улетели,
Скрылись две синицы,
И в „Мурзилке" опустели
„Пёстрые страницы".

Птиц искали мы везде,
Столько сил истратили!
Помогали нам в беде
Юные читатели.

Нам звонили ученицы,
Прибегали к нам чуть свет:
— На антенне две синицы.
Это ваши или нет?

Малыши бежали вслед
За каждою синицею.
Наших птиц всё нет и нет!
Хоть звони в милицию!

Страницы

Летят,

летят

синицы!!!

Наконец летят синицы
К нам на „Пёстрые страницы“.

Вид у птичек жалкий,
Мы их не узнали!
Видно, в перепалке
Птицы побывали.

— Хоть бы весточку с пути
Вы прислали, птицы!
— Мы сидели взаперти, —
Говорят синицы.

Что рассказали наши корреспонденты

Вы не знаете Тараса?
Он — гроза второго класса,
Он идёт — дрожит весь класс.
Вот каков этот Тарас!

Мы решили не молчать,
А заметку дать в печать.
Он порвал заметку,
Посадил нас в клетку.

Дети ищут —
Где синицы?
А они сидят
В темнице!

Мы однажды ночью
Вырвались из клетки
И собрали клочья
Порванной заметки.

Мы в „Мурзилку“ полетели.
(Ох, тряслись все жилки!)
Еле-еле
Долетели
До родной „Мурзилки“.

Вся редакция горда:
Драчуна иль тунеядца
Осмеять не побоятся
Наши птицы никогда!

Может шустрая синица
В каждой школе появиться,
Прилететь в один момент.
Знай: она не просто птица,—
Это наш корреспондент.

ЧТО СКАЗАЛА РЕДАКЦИЯ

— Молодцы наши синицы!
Улетели из темницы!
Принесли портрет Тараса.
И Тараса больше часа
Собирали из кусков.
Посмотрите, он каков!

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано двум синицам в том, что они являются корреспондентами нашего журнала.

ЖУРНАЛ «МУРЗИЛКА» ПЁСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

"МУРЗИЛКА"

Рис. А. КОРОВИНОЙ

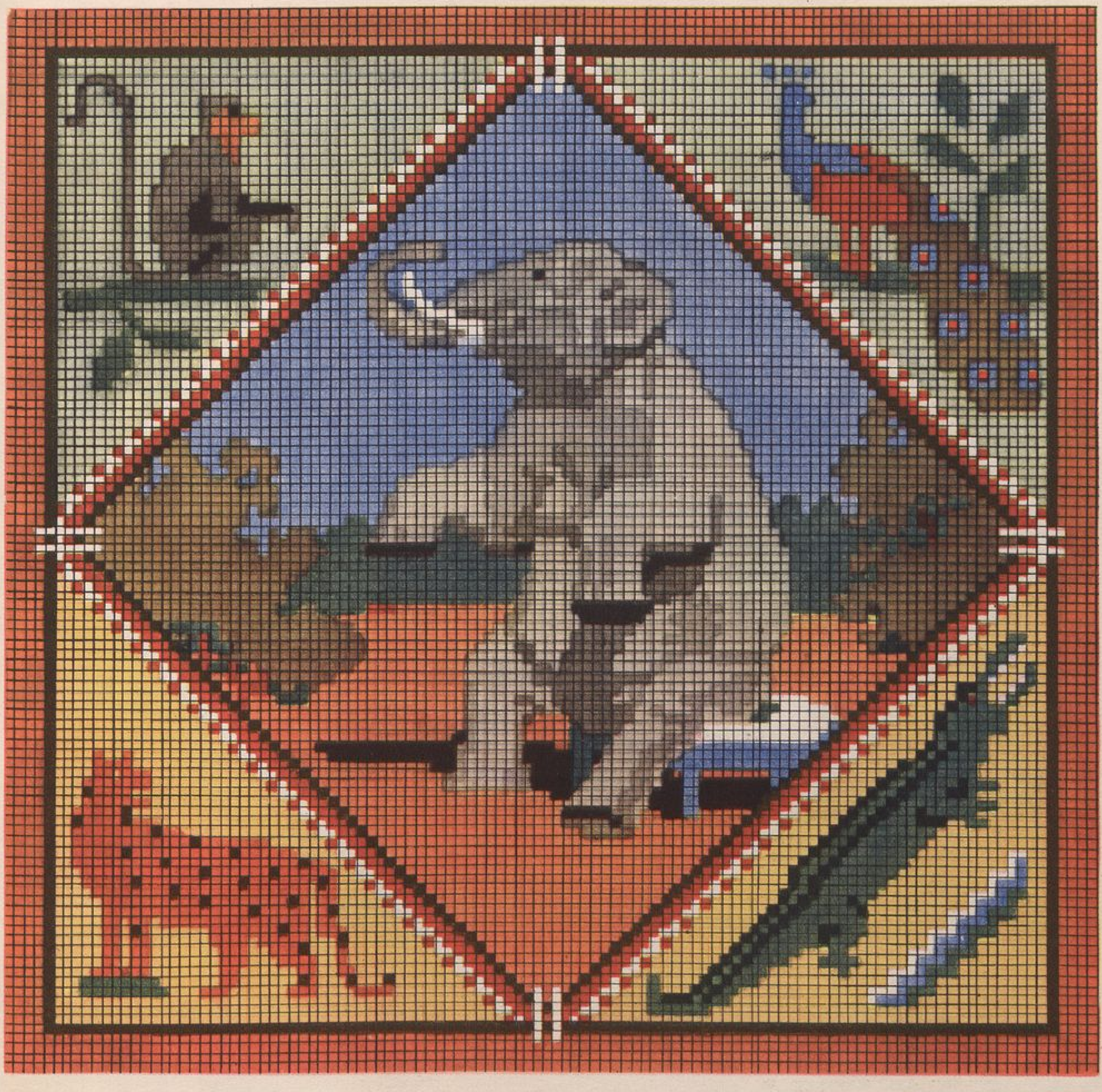


Рисунок для вышивания

На обложке рисунок А. Пластова „Весна в саду"

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, Е. МАРТЬЯНОВА, Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Художественный редактор О. Камкин *Рукописи не возвращаются* *Технический редактор А. Бодров*

Год издания тридцать первый **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

А00350 Подп. к печати 11/III 1955 г. Бумага 60×92¹/₈=1,5 бум. л.=3 печ. л. Уч.-изд. л. 2,8 Тираж 650 000 экз. Заказ 343

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Сущёвская, 21.

4297-